

«Я В МИРЕ БОЕЦ»

Сов. Россия. - 1991. - 11 июня. - с. 8

К 180-летию со дня рождения В. Г. БЕЛИНСКОГО

Если бы великому критику пришлось заполнять анкету, то на ряд вопросов, которые вызывали и продолжают вызывать у наших людей наибольший интерес, он ответил бы следующим образом: национальность — «русский и горжусь этим»; социальное происхождение — из штаб-лекарских детей, с 23 декабря 1843 г. дворянин; партийность — ни в каких партиях не состоял, но убеждения имел, никогда их не менял, хотя порою, будучи человеком горячим, страстным, и увлекался разными идеями...

Когда, в каком возрасте Белинский осознал себя личностью, сказать трудно. Но уже в девятнадцать лет, что видно из его переписки, он необычайно дорожит своей независимостью. «Для меня, — писал он, — нет ничего тягостнее, ужаснее, как быть обязанным кому-либо... нет ничего ужаснее, убийственнее, как быть кому-то в тягость».

Прекрасно сознавая, что «только труд может сделать человека счастливым, приводя его душу в ясность, гармонию и довольство самим собою», молодой Белинский решительно отвергает саму возможность получать выгодную работу за счет сделки со своей совестью. «...По моему мнению, — писал он, — не только лучше молчать и нуждаться, но даже сгнать со света, нежели говорить не то, что думаешь, и спекулировать на свое убеждение». Да и как можно спекулировать на убеждениях, за которые ты «готов отдать жизнь»?

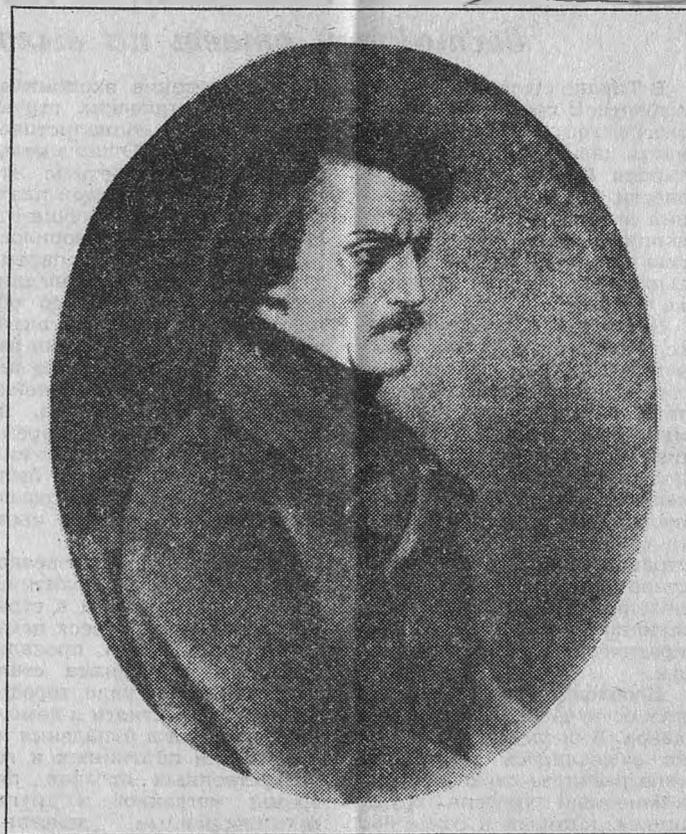
Он был убежден, что литература «непременно должна быть выражением-символом внутренней жизни народа», что русские писатели обязаны прежде всего выразить жизнь своего народа до ее «сокровеннейших глубин и биений». И в первую очередь — «поэзию русской жизни».

Он был убежден, что будущее России связано с образованием общества, в котором выразится «физиономия могучего русского народа».

В свое время Н. Г. Чернышевский отмечал «пламенный патриотизм», «страстное, беспредельное желание блага родине», присущие критике Белинского, подчинившего все «великой идее служения на пользу своего отечества». «В этом смысле, — считал Чернышевский, — немного найдется в нашей литературной истории явлений, вызванных таким чистым патриотизмом, как критика гоголевского периода. Любовь к благу родины была единственной страстью, которая руководила ею: каждый факт искусства ценила она по мере того, какое значение он имеет для русской жизни». В этом был ее пафос, ее сила, «тайна ее могущества». Да, это было так, «пламенный», «чистый патриотизм», защита интересов «русской жизни» были определяющими в деятельности Белинского. Но тогда как быть с его не менее очевидным «западничеством»? Нет ли тут противоречия, стремления выдать желаемое за действительное?

«Западничество» Белинского кое-кто сегодня старается представить чуть ли не как отказ от патриотизма. Да, он думал, что «внутренний процесс гражданского развития в России начнется не прежде, как с той минуты, когда русское дворянство обратится в буржуазию». Но он же и писал: «...я знаю, что владычество капиталистов покрыло современную Францию вечным позором... что не годится государству быть в руках капиталистов». И добавлял: «...горе государству, которое в руках капиталистов. Это люди без патриотизма, без всякой возвышенности в чувствах», готовые все и вся продать, а «торгаш есть существо по натуре своей пошлое, дрянное, низкое и презренное...» И в этом вопросе у него не было никаких разногласий со славянофилами, как и в целом ряде других...

Да, Белинский был демократом - революционером, признавался в своем увлечении «идеями социализма» и считал смешной мысль о том,

что «коренная перестройка» общества «может сделаться сама собою, временем, без насильственных переворотов, без крови». Более того, считал, что крепостное право должно быть уничтожено сверху и незамедлительно. В противном случае, писал он, крестьянский вопрос «решится сам собою, другим образом, в 1000 <раз> более неприятным для русского дворянства».

Да, Белинский видел в церкви «опору кнута и угодницу деспотизма», утверждал, что русский народ «по натуре своей глубоко атеистический народ». И он же осуждал современное ему русское общество за безрелигиозность и отмечал, что «вне религии вера есть никуда негодная вещь...»

Но что примечательно: и «западником», и революцио-

нером-демократом, и атеистом Белинский предстает в большинстве своем в письмах. Об этих его раздумьях, как правило, резких, что в первую очередь свидетельствует о характере, знают очень близкие ему люди — М. А. Бакунин, В. П. Боткин, П. В. Анненков, — которым он поверял свои сомнения и поиски. Единственным письмом, получившим широкое распространение, было известное письмо Н. В. Гоголю от 15 июля 1847 г.

В своих же статьях, обзорах, рецензиях, которые читала вся Россия, Белинский выступал последовательным и непреклонным защитником русской литературы, русской культуры, русских писателей, самобытного, самостоятельного художественного развития. И Чернышевский, и вся читающая Россия не

знали второго, эпистолярного Белинского. Они знали лишь Белинского — литературного критика. И в этом качестве он был действительно велик своим чистым, пламенным патриотизмом, страстной любовью к благу родины, «к плодотворному зерну русской жизни». «...Всякое сколько-нибудь живое и замечательное явление в русской литературе, — говорил он, — радуется меня в тысячу раз больше, нежели действительно огромное явление в европейских литературах». И не только говорил, но и доказывал делом.

Наше время уравнило эпистолярное и литературно-критическое наследие Белинского, рукописное и опубликованное, в их значении для процесса развития отечественной литературы и культуры XIX в., и теперь мы можем с исторической высоты вынести более объективные суждения о писателе в целом. Зная о сказанном Белинским в письмах, оценивая это сказанное в контексте эпохи, не будем забывать, что он был прежде всего и преимущественно литературным критиком. Как критик он вошел в историю отечественной литературы и культуры. В критике проявился, раскрылся и стал достоянием всех его «чистый патриотизм», превыше всего ставящий интересы Родины, Отечества, народа, родной литературы.

Именно Белинскому-критику наша литература обязана своим окончательным поворотом на путь самобытного, самостоятельного развития.

Оставлял Белинский земную юдолю с сознанием честно выполненного долга, не напрасно истраченных сил: он помог нашей литературе найти «свою настоящую дорогу» и выйти на нее, что сам же и отметит в своей последней статье. «...В лице, — скажет он, — писателей натуральной школы (а среди них были Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов, И. А. Гончаров, А. И. Герцен, Д. В. Григорович... — А. К.) русская литература пошла по пути истинному и настоя-

щему, обратилась к самобытным источникам вдохновения и идеалов и через это сделалась и современной и русской». С этого пути она уже не свернула, достигла высочайших художественных вершин, получила мировое признание.

Белинский был кровно озабочен судьбою каждого «положительного» — т. е. самобытного, русского — художественного дарования. Горько сознавая, как много «глубочайших натур остаются на Руси неразвитыми и глорнут оттого, что не встретились вовремя с человеком или с людьми», на себе испытывав благодарность такой встречи, он весь в поисках таких натур. А найдя, не дает им заглохнуть, помогает развиваться, не оставляя без поддержки, стараясь всечаски расположить в пользу открывшегося дарования общественное мнение. «Поспешим же встретить нового поэта с живым сочувствием, с приветом и ласкою...», — пишет он в рецензии на первую книгу стихотворений Кольцова. А восторг, с каким он встретил Достоевского, общеизвестен.

«Я в мире боец...». И был он, как отмечал А. И. Герцен, «сильным бойцом». Битву за русскую литературу он выиграл, последовательно, неустанно, пядь за пядью отвоевывав литературно-художественное пространство для «плодовитых зерен русской жизни», для книг, «выражающих вполне Россию», до последних дней защищая, отстаивая свои убеждения, свою веру в будущее русской литературы и России, вызывая огонь на себя...

В 1859 году, приветствуя выход первого тома первого собрания сочинений критика, Н. А. Добролюбов писал: «Что бы ни случилось с русской литературой, как бы пышно ни развивалась она, Белинский всегда будет ее гордостью, ее славой, ее украшением».

А. КУРИЛОВ,
доктор филологических наук.